

53
К 50-летию со дня
смерти А. Н. Толстого
1910 — 1960

„ТОЛСТОЙ ЭТО ЦЕЛЫЙ МИР“

(М. Горький)

СЕГОДНЯ исполняется пятьдесят лет со дня смерти великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. Художественное наследие Толстого огромно. Его замечательные романы «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», его драматические произведения, рассказы переведены на многие языки мира.

Значение творчества Толстого непреходяще. Это с исключительной глубиной раскрыл В. И. Ленин.

Гений В. И. Ленина проник во все сферы человеческой культуры. Большой интерес проявлял Ленин к литературе. В его трудах содержатся глубокие оценки литературных явлений, подняты сложные вопросы истории литературы.

Суждения В. И. Ленина о литературе и писателях носят глубоко партийный характер. Объективно вскрывая историческую роль писателя, они служат и служат залогом, они служат и служат залогом для построения нового общества.

Не случайно в 1902 году в работе «Что делать?» В. И. Ленин поставил вопрос о всемирном значении русской литературы, обосновав это значение ролью России в мировом революционном движении.

Среди имен писателей, обогативших русскую и мировую культуру бессмертными творениями, стоит имя А. Н. Толстого, творчество которого гениально проанализировано В. И. Лениным.

Во всех статьях Ленина о Толстом дается указание на эпоху. И это не случайно. Характеристика эпохи в ленинском анализе творчества писателя занимает главное место. Эпоха, в которую жил и работал Толстой, отразилась в его произведениях и определила черты его творчества, его противоречия.

Характеризуя эпоху 1861—1905 годов, В. И. Ленин цитирует слова Ленина из «Анны Карениной»: «У нас теперь все это переворачивается и только укладывается». Это, по Ленину, самая меткая характеристика эпохи: «переворачивается старый крепостной строй, укладывается новый, капиталистический».

Как он укладывается — это главный вопрос общественно-политической жизни России того периода. Русский мужик, к которому Толстой обратил свои взоры, испытывал двойной гнет: он вышел из крепостной зависимости и попал в новую кабалу.

«Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, указывает В. И. Ленин, отдавая была буквально на поток и разграбление капиталу...». Старые устои пошли на слом с необыкновенной быстротой. Пережитки крепостничества и быстрый рост буржуазных отношений — вот черты эпохи, отраженной в творчестве Толстого и породившей его особенности.

Итак, определение эпохи при изучении писателя — одна из составных частей ленинского анализа художественного творчества.

Второй составной частью является уяснение идейного содержания произведения писателя, которое отражает идеологию классов, социальных групп, их интересы, борьбу.

Писатель всегда выражает устремления определенных социальных слоев, но не всегда тех, к которым он принадлежал.

«По рождению и воспитанию Толстой принадлежал, — пишет В. И. Ленин, — к высшему дворянству. Но он выражал интересы не своего

класса. Ленин указывает, что Толстой порвал со своим классом, выступил с критикой основ буржуазно-дворянского строя, перешел на позиции патриархального крестьянства.

Этот переход не случаен. Он, как указывает В. И. Ленин, произошел в результате острой ломки старых устоев жизни и был длительным и глубоким процессом. По мере углубления его усиливалась критика Толстым официальной России. Эта критика

ГЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

тика приобрела особую остроту, начиная с романа «Анна Каренина».

Ломка старых устоев привела к революции 1905 года, и Толстой явился ее зеркалом. «Сопоставление имени Толстого с революцией, которой он явно не подал, от которой явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным», — пишет В. И. Ленин. — Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно? Но здесь же Ленин отмечает, что и сама революция, отраженная Толстым, — очень сложное явление: «Среди массы ее непосредственных соучастников и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач».

Ленин установил связь творчества Толстого, его сильных и слабых сторон с идеологией крестьянства. Толстой выступил выразителем идей и настроений русского крестьянства, которое в результате крепостного гнета и пореформенного разорения все более проникалось ненавистью к самодержавию и стремлением к революционному свержению его. В то же время оно проявляло нерешительность, мятловность, слабость. Эти противоречия крестьянской идеологии и отражены как в зеркале в произведениях Толстого, в его учении, где сильный и искренний протест против общественной лжи и фальши совмещен с реакционной теорией всепрощения.

Противоречия во взглядах Толстого, по определению В. И. Ленина, — действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции. «В произведениях Толстого, — пишет В. И. Ленин, — выразились и сила, и слабость, и мощь, и ограниченность идеологии крестьянского массового движения».

Такой метод исследования — удар и по вульгарному социологизму и по буржуазно-либеральной критике, отрицающей классовый характер мировоззрения.

Наконец, третьей составной частью ленинского анализа является определение места и роли писателя, значение его в развитии общественной мысли и литературы.

В. И. Ленин считает Л. Н. Толстого великим писателем. Толстой велик как выразитель настроений многомиллионного крестьянства. Здесь его сила и слабость. Сила в критике. Критика Толстого — не новое явление, но значение ее в том, что она отражает ломку взглядов самих широких масс деревенской России. Критика Толстого отличается поэтому особой силой чувства, страстностью, убедительностью, бесстрашием.

Эта пушкинская формула, легшая

Друг горцев

МАХАЧКАЛА. В республиканской библиотеке имени Пушкина открылась большая выставка, посвященная 50-летию со дня смерти великого русского писателя Л. Н. Толстого. Среди представленных книг писателя — много переведенных на языки народов Кавказа: «Севастопольские рассказы» на аварском, лезгинском, лакском и кумыкском языках, «Хаджи Мурат» на лезгинском и кумыкском, отрывки из романа «Война и мир» на аварском и другие.

В Дагестанском книжном издательстве сейчас вышла книга «Хаджи Мурат» на аварском языке. «Толстой и Дагестан» — так названа книга дагестанского филолога У. Б. Даглат, также выпущенная в этом издательстве. Другой горцев — Л. Н. Толстой посвятил поэму «Оленьи рога» старейшему кумыкскому поэту Аткай, которая издана на кумыкском и русском языках.

Общественность республики широко отмечает 50-летие со дня смерти Л. Н. Толстого. В дагестанском университете имени В. И. Ленина работает семинар, на котором читаются лекции о Толстом и Кавказе, «Толстой на сцене местных театров» и другие.

Пребывание Толстого на Кавказе явилось важнейшим этапом в формировании духовного облика писателя.

Перед тем, как принять решение о поездке на Кавказ, Толстой пережил полосу мучительных поисков и колебаний, он не знает, на чем остановиться, в чем его настоящее жизненное призвание. Для его душевного состояния характерно было «презрение к обществу и беспрепятственная внутренняя» тягота таким неопределенным положением. Толстой охотно соглашался с предложением брата Николая отправиться на Кавказ.

30 мая братья прибыли в станцию Старогладковскую. Толстой жадно впитывал новые впечатления, знакомился с сослуживцами брата офицерами, присматривался к их жизни и жизни казаков. С глубокой симпатией отнесся он к простым людям. В дневнике Толстого имеется такая запись: «Любовался на Епипку, казачьи хоры с песнями и стрельбой».

Старый казак Епифан Сехин (дядя Епипка) — личность очень оригинальная. Толстой вместе с ним ходил на охоту и любил слушать его удивительные рассказы о казачьей жизни. Дядя Епипка послужил прототипом образа дяди Брошки в повести «Казак», в которой нарисована поэтическая, обобщенная картина жизни горцев Кавказа.

Поездка на Кавказ и первые кавказские впечатления способствовали проявлению творческих сил писателя. Здесь произошло рождение Толстого-художника. В Старогладковской он усиленно работал над повестью «Детство», которая мыслится как первая часть автобиографического романа «Четыре эпохи развития».

Кавказ понравился Толстому, и он решил остаться служить в этом краю. С момента приезда он числился волонтером (добровольцем). Вместе с воинской частью, в которой служил его брат, он побывал в разных местах Северного Кавказа. Старом Юрте, крепости Грозный, принимал участие в военных операциях.

Слав положенные экзамены, Толстой был зачислен в артиллерийскую бригаду и в первой половине января 1852 года возвратился в Старогладковскую. Как военный, Толстой вынужден был принимать участие в походах и сражениях. Но он считал войну на Кавказе бессмысленной, поэтому очень скоро разочаровался в во-

НА КАВКАЗЕ

енной службе и стал помышлять о выходе в отставку. В его дневнике все чаще и чаще появляется фраза: «Я делаю дурно, что иду в поход». Он видел, что и многие другие офицеры понимали это и поэтому пили, чтобы заглушить в себе голос совести.

Писатель, осуждая войну, не видит причин для вражды между русским народом и горцами. Он убежден в том, что они могут жить в мире и дружбе. Касаясь истории возникновения гребенского казачества, Толстой пишет в повести «Казак»: «Очень давно перекликивали старовики, бежали из России и поселились за Терек... Живя между чеченцами, казаки перенимали с ними. Все еще до сих пор казачьи роды считаются родством с чеченскими».

С огромным уважением относился Толстой к горским народам. Глубокий интерес проявлял он к их истории, быту, культуре и языку. Лучшими его друзьями в Старогладковской были не только дядя Епипка и казак Лукашка, но чеченцы Садо и Балта. С их слов он записывал русскими буквами две чеченские песни на чеченском языке и тут же дает их русский перевод. Это первое по времени записи чеченского фольклора и первый письменный памятник чеченского языка. Балта рассказывал своему русскому кунаку «драматическую и занимательную историю семейства Джемби», которое было истреблено во время разгрома аула. Выслушав этот рассказ, Толстой записал в дневнике: «Вот сюжет для кавказского рассказа». И, действительно, эта история послужила толчком к работе над рассказом «Набег».

Среди дневниковых записей встречаются и такие, которые свидетельствуют о том, что Толстой интересовался жизнью народов Кавказа. Черкесии, их прошлым и настоящим. «В Хиве, — пишет Толстой, — я видел, как называлась Касасхетом». Очень высоко оценивает писатель нравственные качества карагачевского народа. «Карагай, — читаем мы в дневнике, — нейтральный народ, живущий у подножья Эльбруса, отличается своей верностью, красотой и храбростью». Общение с простыми людьми усиливает критическое отношение Толстого к аристократии, он про-

никается сознанием превосходства человека труда над барнином. «Простой народ, — утверждает он, — так много выше нас стоит своей исполненной трудом и лишений жизнью, что как-то нехорошо нашему брату искать и описывать в нем дурное».

16 мая 1852 года Толстой впервые приехал в Пятигорск, который произвел на него самое благоприятное впечатление. Здесь Лев Николаевич работает над рассказом «Набег» и заканчивает повесть «Детство». Рукопись повести с сопроводительным письмом он отсылает в Петербург редактору журнала «Современник» Н. А. Некрасову.

6 июля Толстой по совету врача переехал в Железноводск, где продолжал лечение и работу над литературными произведениями, обдумывая план «Романа русского помещика». В начале августа он возвратился в Пятигорск и вскоре выехал в станцию Старогладковскую. Подводя итоги своему пребыванию в Пятигорске, Толстой записывает в дневнике: «Я не делал здесь глупостей. Это будет первый город, из которого я не увезу раскаяния».

Военная служба теперь особенно тяготит писателя, она мешает ему литературным занятиям. Где бы ни находился Толстой, он оставляет работы над задуманными произведениями и начинает писать «Отрочество». В декабре 1852 года был закончен рассказ «Набег».

Постепенно в сознании писателя проявляется замысел повести «Казак». В октябре, находясь в Старогладковской, он намечает программу «Черков Кавказа». В нее он включает и рассказы Епипки об охоте, о старом житье казаков, о его похождениях в торах».

После многочисленных поездок по Северному Кавказу, надевших военных походов Толстой в конце 1853 года вновь приезжает в Пятигорск. В этот раз он особенно часто бродит по железноводскому и Кисловодскому, посещает также Ессентуки. Его привлекает прекрасная природа городов Кавказских Вод, целебные источники, но особенно большое удовольствие ему доставляет труд. В дневнике от 23 июля он записывает: «Труд, труд! Как я чувствую себя счастливым, когда я тружусь».

С увлечением работает писатель над «Отрочеством», казачьей повестью «Беглец» (одна из вариантов «Казак»). В течение четырех дней был написан в Пятигорске рассказ «Записки маркера». Автор пережил состояние высшего творческого подъема. «Мне кажется, что теперь только я работаю, по вдохновению», — записал он в дневнике.

В январе 1854 года Толстой, узнав о своем переводе в Дунайскую армию, решил ехать в Россию. Собираясь к отъезду, он прилагает все усилия, чтобы окончить повесть «Отрочество». И уже в дороге, в станции Щедриной, повесть была завершена.

Толстой навсегда покинул Кавказ. Он увозил с собой рукопись «Отрочества» и ряд незавершенных произведений, которые были дописаны позднее («Рубка леса», «Разжалованный», «Казак» и другие).

Творчество Толстого кавказского периода развивалось под знаком реализма, гуманизма и народничества. Эти принципы получили дальнейшее развитие в творчестве писателя.

А. ПРОХОРОВ,

доцент Пятигорского педагогического института.

На эстонском языке

ТАЛЛИН. Первое произведение Л. Н. Толстого на эстонском языке появилось в журнале «Развешение» в 1882 году. Это был рассказ «Чем люди живы». В годы Советской власти в республике выпущены 36 произведений писателя общим тиражом более полумиллиона экземпляров. В трех изданиях разошлась на эстонском языке его эпопея «Война и мир», дважды выходил роман «Анна Каренина».

В постсоветские годы эстонские читатели получили на своем родном языке первое собрание сочинений великого писателя. Обзоры всех этих изданий можно увидеть и среди двух с половиной тысяч экспонатов выставки эстонской книги, открытой сейчас в Доме художников.

Над переводами произведений Л. Н. Толстого на эстонский язык трудились многие талантливые переводчики, в том числе классик эстонской литературы А. Таммсааре.

А. ПЕТРОВ.

В «ЗАМЕТКАХ о народной драме» Пушкин спрашивал: «Что развивалось в трагедии? какова ее цель?» И отвечал: «Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная».

Эта пушкинская формула, легшая

Толстой и театр

в основу развития русской драматургии, сохраняла свое значение до наших дней. Судьба человеческая, судьба народная всегда глубоко волновала русских художников слова, она являлась источником вдохновения произведений драматургов Пушкина и Гоголя, Грибоедова и Тургенева, Островского и Толстого, Чехова и Горького.

Не являлся драматургом в прямом смысле этого слова; Лев Николаевич Толстой, думая о проблемах народных судеб, не мог, разумеется, подняться в своих драмах до уровня политических и философских обобщений, каких он достиг в прозе, особенно в романах «Анна Каренина», «Воскресение», в монументальной эпопее «Русской жизни» — «Войне и мире». Но уже сами названия драм — «Живой труп», «Власть тьмы», «Плоды просвещения» говорят не о том, лирике и праздности настроений, а о судьбе человеческой, трагедии человеческой личности, столкновении человека с властью тьмы, страстным обличителем и критиком той или иной общественной системы.

Драмы Толстого поражают глубиной психологического анализа, проникновением писателя в тайники душ своих героев, его безукоризненным мастерством соединять слово с мыслью и через диалог героев выражать свое отношение к жизни.

Вспомним образ Протасова из «Живого трупа». Кто читал драму Толстого, или видел «Живой труп» в спектакле, тот может ясно представить себе Феденьку Протасова в сцене, когда пылкий хор поет «Канарелу». Пока длится песня, Протасов не произносит ни слова! И других, он останавливает: «Не разговаривай. Это степь, это пустыня! Но для самого Протасова она где-то затерялась, он может насладиться ею, как и миллионы других, только слушая песню. А действительность толкает его в пропасть, во власть тьмы, и в конце концов приводит в кабинет следователя».

Вот эта сцена у следователя. Вот слова последнего монолога Протасова: «И вы, — говорит он следователю, — получаете 20 числа по двум гривенному за пакость, надеваете мундир и с легким духом куражитесь над нами, над людьми, которые вы и мизинца не стоите...».

С какой гневной, подлинно тол-

стовской обличительной силой звучат эти слова! А ведь они принадлежат человеку честному, доброму, даже короткому, но надломленному, лирическому, ханжеской моралью власти ищущему, морально буржуазному обществу. И не приняв этого общества, не зная средств борьбы с ним, Протасов уходит из жизни, сделавшись «живым трупом».

Драматургия Толстого сильна не только протестом против лжи и насилия, она сильна прежде всего своим гуманизмом, любовью к человеку, призывом к честности и справедливости. Конечно, мы не забываем, что при этом толстовскую проповедь «непротивления злу насилием» и на эту проповедь местами сбивается диалог Акимы из «Власти тьмы». Но мы понимаем и принимаем Толстого-художника, протестанта и бунтаря, начисто отвергающего проповедь «смирнения». В образе Акимы мы видим прежде всего человека, который, как говорит о нем народный артист СССР И. В. Ильинский, хочет жить по совести и правде народа.

Аким органически чужд грязи, лжи, все то уродливое, что неизбежно порождает погоня за обогащением, властью, насилием и провозглашением, что человек — это не проповедь, а его собственная суть, его вера, без которой он не может жить. В этой сути Акимы — суть самого Толстого.

Лев Толстой не был драматургом, подобно Островскому, но он не меньше Островского любил театр, понимал его значение в жизни народа и постоянно заботился о развитии театрального искусства. Великий писатель мечтал о драме, которая, подобно классической древнегреческой, выражала бы и поднимала дух народа: «...трудно очень написать такую драму; но «это-то и надо».

Никто другой из писателей и драматургов, как Толстой, не был столь горячим сторонником народного театра.

Суждения Толстого о театре и драматургии представляют огромный интерес не потому только, что их высказывал именно Толстой, каждое слово которого нам дорого, а потому, что они всегда носят объективный и беспристрастный характер, хотя нередко и противоречивый. В этом отношении примечательно его высказывание о Шекспире, записан-

В краю творческой молодости

ГРОЗНЫЙ. Трудно было в ряде мест республики, где бывал Л. Н. Толстой, установить, что именно в Грозном, в связи с 50-летием со дня кончины гениального художника устраивают литературные вечера и выставки, лекции, беседы.

В Чечено-Ингушском педагогическом институте состоялось юбилейное заседание ученого совета совместно с преподавательским и студенческим активом.

Кандидат филологических наук Б. С. Виноградов — автор недавно изданной в Грозном книги «Кавказ в творчестве Л. Н. Толстого» — выступил с докладом. Ряд сообщений по вопросам творчества писателя сделали студенты.

Ученый совет принял решение ходатайствовать о присвоении Чечено-Ингушскому педагогическому институту имени Л. Н. Толстого.

Чет нужно говорить о правильности или неправильности этих суждений Толстого. В данном случае речь идет о том, что Толстой, всю свою жизнь был озабочен судьбами драматургии и театра.

Произведения и сама личность Толстого сыграли выдающую роль в истории и процветании русского искусства. Театры Толстого, Чехова, Горького, дополняя и обогащая друг друга, определили главное направление в театральном искусстве России и русской классики в современном репертуаре. На благодатной почве Толстого, Чехова, Горького развивалось и крепло искусство Малого и Художественного театров, эта почва вскопала систему Станиславского.

В наше время на подмостках сцены советского театра широко представлены не только драмы, но и монументальные произведения Толстого. Инстценированы «Анна Каренина» и «Война и мир».

Советское театральное искусство находится в расцвете своих творческих сил. Его бурному развитию, его мировой славе немалую услугу оказал Лев Толстой — великий гражданин-художник земли русской.

А. ПЕТРОВ.

К юбилейной дате — пятидесятилетию со дня смерти великого русского писателя Л. Н. Толстого выпускается настоящая бронзовая медаль. Ее эскизы выполнил скульптор М. А. Шмаков. На лицевой стороне медали выбит портрет писателя и надпись «Л. Н. Толстой. 1828—1910», на оборотной стороне — слова М. Горького о Л. Н. Толстом и годы 1910—1960.

НА ШИМКЕ: слева — лицевая сторона медали, справа — оборотная.

В «ЗАМЕТКАХ о народной драме» Пушкин спрашивал: «Что развивалось в трагедии? какова ее цель?» И отвечал: «Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная».

Эта пушкинская формула, легшая

в основу развития русской драматургии, сохраняла свое значение до наших дней. Судьба человеческая, судьба народная всегда глубоко волновала русских художников слова, она являлась источником вдохновения произведений драматургов Пушкина и Гоголя, Грибоедова и Тургенева, Островского и Толстого, Чехова и Горького.

Не являлся драматургом в прямом смысле этого слова; Лев Николаевич Толстой, думая о проблемах народных судеб, не мог, разумеется, подняться в своих драмах до уровня политических и философских обобщений, каких он достиг в прозе, особенно в романах «Анна Каренина», «Воскресение», в монументальной эпопее «Русской жизни» — «Войне и мире». Но уже сами названия драм — «Живой труп», «Власть тьмы», «Плоды просвещения» говорят не о том, лирике и праздности настроений, а о судьбе человеческой, трагедии человеческой личности, столкновении человека с властью тьмы, страстным обличителем и критиком той или иной общественной системы.

Драмы Толстого поражают глубиной психологического анализа, проникновением писателя в тайники душ своих героев, его безукоризненным мастерством соединять слово с мыслью и через диалог героев выражать свое отношение к жизни.

Вспомним образ Протасова из «Живого трупа». Кто читал драму Толстого, или видел «Живой труп» в спектакле, тот может ясно представить себе Феденьку Протасова в сцене, когда пылкий хор поет «Канарелу». Пока длится песня, Протасов не произносит ни слова! И других, он останавливает: «Не разговаривай. Это степь, это пустыня! Но для самого Протасова она где-то затерялась, он может насладиться ею, как и миллионы других, только слушая песню. А действительность толкает его в пропасть, во власть тьмы, и в конце концов приводит в кабинет следователя».

Вот эта сцена у следователя. Вот слова последнего монолога Протасова: «И вы, — говорит он следователю, — получаете 20 числа по двум гривенному за пакость, надеваете мундир и с легким духом куражитесь над нами, над людьми, которые вы и мизинца не стоите...».

С какой гневной, подлинно тол-

стовской обличительной силой звучат эти слова! А ведь они принадлежат человеку честному, доброму, даже короткому, но надломленному, лирическому, ханжеской моралью власти ищущему, морально буржуазному обществу. И не приняв этого общества, не зная средств борьбы с ним, Протасов уходит из жизни, сделавшись «живым трупом».

Драматургия Толстого сильна не только протестом против лжи и насилия, она сильна прежде всего своим гуманизмом, любовью к человеку, призывом к честности и справедливости. Конечно, мы не забываем, что при этом толстовскую проповедь «непротивления злу насилием» и на эту проповедь местами сбивается диалог Акимы из «Власти тьмы». Но мы понимаем и принимаем Толстого-художника, протестанта и бунтаря, начисто отвергающего проповедь «смирнения». В образе Акимы мы видим прежде всего человека, который, как говорит о нем народный артист СССР И. В. Ильинский, хочет жить по совести и правде народа.

Аким органически чужд грязи, лжи, все то уродливое, что неизбежно порождает погоня за обогащением, властью, насилием и провозглашением, что человек — это не проповедь, а его собственная суть, его вера, без которой он не может жить. В этой сути Акимы — суть самого Толстого.

Лев Толстой не был драматургом, подобно Островскому, но он не меньше Островского любил театр, понимал его значение в жизни народа и постоянно заботился о развитии театрального искусства. Великий писатель мечтал о драме, которая, подобно классической древнегреческой, выражала бы и поднимала дух народа: «...трудно очень написать такую драму; но «это-то и надо».

Никто другой из писателей и драматургов, как Толстой, не был столь горячим сторонником народного театра.

Суждения Толстого о театре и драматургии представляют огромный интерес не потому только, что их высказывал именно Толстой, каждое слово которого нам дорого, а потому, что они всегда носят объективный и беспристрастный характер, хотя нередко и противоречивый. В этом отношении примечательно его высказывание о Шекспире, записан-

К юбилейной дате — пятидесятилетию со дня смерти великого русского писателя Л. Н. Толстого выпускается настоящая бронзовая медаль. Ее эскизы выполнил скульптор М. А. Шмаков. На лицевой стороне медали выбит портрет писателя и надпись «Л. Н. Толстой. 1828—1910», на оборотной стороне — слова М. Горького о Л. Н. Толстом и годы 1910—1960.

НА ШИМКЕ: слева — лицевая сторона медали, справа — оборотная.

В ГОСТЯХ У ПИСАТЕЛЯ

КОГДА, согласно подписанному В. И. Лениным декрету, в Москве в бывшей хановичьей усадьбе Толстых (ныне ул. Л. Толстого, 21), состоялось открытие музея, присутствовавший на торжествах сын писателя сказал:

— У меня такое ощущение, будто мы с отцом только вчера отсюда уехали.

Нечто подобное испытывает каждый, кто переступает порог скромного деревенского особняка, запертого выкрашенного темной масляной охрой. Ходить по освещенным ноябрьским солнцем комнатам, смотреть на заснеженный сад за окнами и невольно представляешь себе, что вот-вот дом наполнится шумом, боготой, молодыми голосами. Скорой легкой походкой поднимаются по лестнице и низким темным коридорчиком (художник Н. Г. называл его «катакомбами») пройдет в свой рабочий кабинет крепкий старик среднего роста, большоголовый, с седой бородой и в долгополой холстиновой рубашке.

Вечером освещается окна большого зала. Придут знаменитые писатели, художники, композиторы, адвокаты, профессора университета. За роялем сидит сам Рахманинов. За полочкой затанцуют разговоры, песни, игры. А утром, едва забрезжит рассвет, стараясь не разбудить притомившихся гостей и домашних, встанет хозяин. Одетый, как простой деревенский мужик, он спустится во двор, наколет и натаскает к печам дров, привезет с

Москва-реки огромную кадку воды. Потом закроется в кабинете и будет писать.

Кабинет — маленькая угловатая комната на втором этаже. Скромная мебель: диван, круглый столик, кресла, книжный шкаф. И знаменитый письменный стол, увешанный на портретах И. Репина и Н. Г. Гоголя. За столом резным барьерчиком, чтобы рукописи не сваливались на пол, рукописей много. Надо неотложно закончить статью о голоде. Дождается завершения трактата об искусстве. И не терпится вернуться к самому заветному: «Художественному», «Воскресению», «Крейсерова соната», «Смерть Ивана Ильича», «Живой труп», «Власть тьмы» — таков далеко не полный перечень написанного за этим столом.

В час дня в столовой на первом этаже собирается к завтраку. Хозяин подает отдельно: Толстой не ест мяса. И прибор у него особый: не серебряный, а деревянный. После завтрака, склонившись у окна в проходной комнатке перед кабинетом, Толстой будет дошивать сапоги. Эти сапоги, лапка, шило, плоскогубцы лежат здесь и теперь.

Часом позже все оборванное и горластое ребяче население Долгохамовнического переулка побегит за удивительным графом, едущим на диковинной двухколесной машине. Забегая вперед, ребята кричат хором:

Здравствуйте, Лев Николаевич!

Они любят этого доброго и чудоватого старика. Раз забегутся, как прошлой зимой в его сад устранивали они как-то, заливали водой снежную горку, катались на санках! И как потом граф пригласил их

к себе на ёлку, поил чаем, одевал подарками.

После прогулки Толстой пообедал. А там — снова труд. Надо послать письмо Н. Миклухо-Маклау с просьбой написать книгу для организованного при ближайшем участии Толстого народного издательства «Посредник». Надо закончить перевод с французского. Позаниматься древнегреческим языком. Наконец, принять посетителей. Узнав, что Толстой в Москве, побеседовать с великим русским приехавшим американцами, японцами, кто-то даже с миссис Доброй Надеждой. Бывали и русские писатели: В. Короленко, А. Островский, Н. Лесков, В. Гаршин. 16 января 1900 года Толстой записал в дневнике: «Был Горький. Очень хорошо поговорили. И он мне понравился. Настоящий человек из народа».

И опять вечер. У Собора Андреевны именины гости. «Но все реже выходит к ним хозяин дома. Растет пропасть между Толстым и семьей. Годы жизни Толстого в московской усадьбе (1882—1901) — это время окончательного перехода великого художника слова на позиции патриархального крестьянства, время полного разрыва с морально господствующим классом и особенно резкой критикой самодержавия. На протяжении двух десятилетий из стен ничем не примечательного дома в тихом московском переулке гремел на весь мир гневный, суровый, удивительно сильный голос Толстого, срывая все и всецело маски с тогдашних «хозяев жизни». Вот почему, по слову этого дом, Ленин сказал: «В доме все сохранило по-прежнему. Массы должны знать, как жил Лев Николаевич».